

Лицо Владыки-Императора стало мрачным, и он почти сразу же попытался остановить самоуничтожение серебристого дракона, но из-за кратковременного замешательства опоздал на мгновение.

Сила разрушения, вызванная взрывом Громового дракона Цзюю, разорвала пространственные законы этой пустоты. Даже такой могущественный, как он, смог лишь защитить себя в этом разрушенном пространстве, но не смог найти ни души Лян Цзинь, ни пилюли, в которую превратилась Цин Шуан, даже малейшего следа.

Его лицо было холодным, как лёд, и слова Лян Цзинь перед смертью звучали в его ушах, делая его выражение мрачным и пугающим.

— Ты преследовал меня только ради этой пилюли. Ты, Владыка-Император Небес, тоже боишься! Тоже боишься! Ха-ха-ха-ха-ха!

Она не сказала, чего он боится, но в этом мире только он услышал эти слова, и только он знал, что она говорила правду.

— Хм, мёртвая может ли поднять бурю?

После взрыва Громового дракона Цзюю Лян Цзинь была уничтожена, её тело и душа рассеялись, и она не могла вернуться к жизни. Он стоял над морем гроз, молча глядя на разрушенное пространство, и после долгой паузы лишь холодно фыркнул и ушёл, размахивая рукавом.

Горы Дунъян, протянувшиеся на восемьсот ли, занимали восточную половину древнего города Линьфэн, места, где впервые восходит солнце. Земля здесь была плодородной, богатой ресурсами, и здесь часто появлялись редкие сокровища.

Горы всегда были окутаны туманом, деревья оставались зелёными круглый год, а пение птиц и аромат цветов создавали атмосферу райского уголка на земле.

Секта Линъюнь находилась на южной стороне гор Дунъян, опираясь на их склоны. Её ученики впитывали духовную энергию гор, практиковали путь бессмертия, и их традиции продолжались уже тысячу лет.

В полдень у ворот секты Линъюнь, за пределами гор Дунъян, в тени чайного павильона собралась группа из десятка юношей и девушек. Большинство из них нервничали, но в их глазах горел интерес, и они с восхищением и любопытством разглядывали горы Дунъян и молодого человека в даосской одежде, сидевшего за столом.

В отличие от юношей и девушек, молодой человек казался спокойным и уверенным. Его внешность не была особенной, но его манера держаться выделяла его, и даже в этом простом чайном павильоне он выглядел необычно.

Он сидел за столом, рядом с которым стояли две чашки чая, словно ожидая кого-то.

Вскоре на каменных ступенях, ведущих вниз, появилась фигура. Как только она показалась, молодой человек встал и вышел из павильона.

Юноши и девушки тоже обернулись и замерли.

К ним шла женщина в белой даосской одежде, её одежда развевалась на ветру, а её красота

была поразительной, словно она была небожительницей, сошедшей с небес.

Юноши и девушки, никогда не видевшие такой красоты, покраснели и поспешно опустили глаза, боясь оскорбить небесную гостью.

Даже ранее спокойный молодой человек теперь выглядел смущённым. Он почтительно поклонился и сказал:

— Учительница Чэнь, это новые ученики, которые скоро войдут в горы. Среди них есть один с неплохими способностями, который, возможно, станет полноценным учеником.

Сказав это, он повернулся к одной из девушек и поманил её. Та сначала удивилась, но затем поняла и подошла к нему, поклонившись женщине в белом:

— Ученица Му Тун.

Смертные, имея хоть какие-то средства к существованию, всегда мечтали отдать своих детей в секты для обучения. Если предки накапливали добродетель, и хотя бы один из потомков мог достичь бессмертия, это считалось благословением для сотен последующих поколений.

Секта Линъюнь каждый год набирала новых учеников среди простых людей, и на этот раз женщина в белом и молодой человек отвечали за отбор, выбирая юношей и девушек с хорошими способностями.

Женщина в белом взглянула на Му Тун, затем кивнула и обратилась к молодому человеку:

— Лян Хао, я только что спасла девушку внизу. Её родители погибли, и ей некуда идти. Пусть она тоже войдёт в горы с ними.

Лян Хао удивился, и только теперь заметил, что на спине Чэнь Юй была ещё одна девушка, которая, казалось, была без сознания.

Он поспешил помочь ей, уложил её на циновку в чайном павильоне и только тогда разглядел её лицо.

Она была миловидной, и хотя ещё не расцвела, уже можно было представить, как она будет выглядеть в будущем. Её одежда была скромной, но не такой, какую могли позволить себе бедняки, что говорило о её зажиточном происхождении.

Жаль, что она пережила трагедию, потеряв родителей, иначе её красота и происхождение позволили бы ей выйти замуж за хорошего человека и жить спокойной жизнью.

К счастью, она встретила учительницу Чэнь, которая спасла её и приведёт в секту. Если она будет усердно практиковаться и проявит способности, то сможет достичь бессмертия, и это не будет печальным концом.

Сознание Лян Цзинь начало возвращаться, и она услышала вокруг шум, словно много людей разговаривают. Она слегка приоткрыла глаза, но яркий свет заставил её снова закрыть их.

Это небольшое движение привлекло внимание человека рядом:

— Она приходит в себя.

Это был женский голос, который она хорошо знала. Хотя прошло почти двести лет, она всё ещё

могла его узнать.

...Чэнь Юй?

«Как это может быть Чэнь Юй?»

Лян Цзинь резко встала, изо всех сил пытаясь открыть глаза, и перед ней предстали знакомые пейзажи: извилистая древняя дорога, старый чайный павильон и женщина в белом, сидящая неподалёку, держащая чашку чая и смотрящая на неё...

Она открыла рот, но не смогла издать ни звука.

Молодой человек в даосской одежде поспешил поднести чашку чая к её губам, и она машинально сделала глоток, услышав слова женщины:

— В твоём доме случилась беда, я нашла тебя по пути и смогла спасти только тебя. Теперь тебе некуда идти, пойдёшь с нами в горы.

Лян Цзинь остолбенела. Знакомые слова, знакомый голос, хотя прошло двести лет, она всё ещё помнила их ясно. Это было двести лет назад, когда в её доме внезапно вспыхнул пожар, её родители погибли, и её спасла Чэнь Юй, после чего она вступила в секту Линъюнь...

Это были ворота секты Линъюнь!

Она же взорвала себя в Бескрайнем море гроз, как же она проснулась и увидела Чэнь Юй? И оказалась у ворот секты Линъюнь? Она подняла руку и почувствовала, что её меридианы заблокированы, затем посмотрела на свою руку — тонкое запястье, пальцы ещё не выросли...

«Я... вернулась в детство?»

«Или же эти долгие двести лет были всего лишь сном?»

Только она начала задаваться этим вопросом, как снова замерла, потому что почувствовала слабую боль в груди. Её тело, которое должно было быть лишено какой-либо силы, теперь могло легко исследовать свои внутренние каналы, и в сердце она обнаружила круглую ледяную голубую пилюлю.

«Цин Шуан...»

Пилюля, в которую превратилась Цин Шуан, всё ещё была здесь, что доказывало, что всё, что произошло, было реальностью. Тогда объяснение могло быть только одно: она вернулась в детство после смерти благодаря этой пилюле.

Лян Цзинь пережила многое, и она быстро успокоилась, сделав, казалось бы, абсурдный, но самый логичный вывод.

Придя к этому выводу, она вдруг вспомнила свои слова перед самоуничтожением:

«Цин Шуан.»

«Если твоя душа всё ещё здесь, направь меня к тебе.»

Это Цин Шуан вернула её? Дала ей шанс всё исправить?!

В чайном павильоне раздался безумный смех, и все посетители и прохожие обернулись в сторону звука.

Они увидели девушку лет тринадцати-четырнадцати, которая смеялась, запрокинув голову, её слёзы и смех смешивались в безумной истерике.

Лян Хао растерялся, а новые ученики переглядывались, не понимая, что случилось с этой девушкой, которая только что была спасена и теперь ведёт себя так странно.

Чэнь Юй слегка нахмурилась, взглянув на Лян Цзинь, её взгляд был глубоким и непроницаемым.

Через некоторое время Лян Цзинь перестала смеяться, её голос стих, и она подняла рукав, чтобы вытереть слёзы с лица. Затем, словно никого не замечая, она встала и поклонилась Чэнь Юй:

— Благодарю вас за спасение, бессмертная!

Возможность исправить свои ошибки, возможность вернуть долг Цин Шуан — как ей было не радоваться? Как ей было не сойти с ума?

Если бы она не разразилась этим безумным смехом, чтобы выплеснуть всю свою скорбь и радость, она бы действительно сошла с ума.

Чэнь Юй внимательно посмотрела на неё и сказала:

— Тебе не нужно благодарить меня. Ты спаслась благодаря своей собственной удаче.

С этими словами она встала, слегка отряхнула рукава, оставила деньги на столе и сказала Лян Хао и юношам и девушкам:

— Идёмте в горы.

<http://bllate.org/book/16682/1530756>